

Е. Н. Бакланова

ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА 1717 Г. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ В ВОЛОГОДСКОМ УЕЗДЕ

При исследовании хозяйства крупных землевладельцев, духовных или светских, в тесной взаимосвязи с ним обычно рассматривается и крестьянское хозяйство. Изучение же последнего требует и характеристики самой первоначальной хозяйственной ячейки — крестьянской семьи, труд которой является основой для развития производительных сил владения. А так как на состоянии семьи оказывается развитие социально-экономических отношений, то изучение ее кажется нам необходимым для более полного представления о совершившихся в экономике России процессах.

Русская дореволюционная крестьянская семья, в частности, семья Европейской России, особенно в период развитого феодализма, изучена мало и весьма неравномерно.

Работы дореволюционного периода, посвященные народному обычному праву¹, рассматривают вопросы семейного быта, как правило, на материалах XIX в. Чаще всего они касаются экономических и юридических сторон семейных отношений: наследование земли, а в связи с этим и формы землепользования, права имущественного наследства, семейные разделы, крестьянские товарищества и артели, основанные на договорном начале, и др.

Характеризуя семейно-имущественные отношения, авторы останавливаются на положении женщины в семье, в особенности на положении и правах вдовы и ее детей. Кроме того, в ряде работ рассматриваются и вопросы, связанные с принятием зятя в дом: договоры зятя с семьей его принимающей, по которым определяются права зятя как при жизни, так и после смерти его или его жены, положение зятя в семье, права его детей и т. д.².

¹ Краткую библиографию работ по обычному праву см. С. А. Токарев. История русской этнографии, М., 1966, стр. 290.

² П. С. Ефименко. Наследование зятьев-приемышей по обычаям Архангельской губернии. Сборник народных юридических обычаев, т. 2, СПб., 1900; М. Островская. Земельный быт сельского населения русского Севера в XVII—XVIII вв. СПб., 1913, стр. 43—50 и др.

Некоторые из вышеназванных вопросов, а именно: внутрисемейные отношения и права членов семьи на владение земельным участком (о его наследовании), о семейных разделах, рассматривались в работах по истории крестьянства и сельской общины³, в связи с характеристикой общественных крестьянских организаций, обязанностей, лежащих на крестьянах по отношению к государству и владельцу.

Существует также круг работ, в которых освещены некоторые стороны семейных отношений⁴, чаще всего брачные обычаи и свадебные обряды, в которых обнаруживаются пережитки древних форм брака. Если в работах такого рода и рассматривалась история развития семьи, то лишь на раннем, переходном от родового строя этапе ее развития⁵.

В советский период изучением семьи занимаются, главным образом, этнографы, которые на основе полевых материалов освещают различные стороны семейного быта, взаимоотношения и обязанности членов семьи, вопросы о ее главе, положении женщины, образовании, труде, досуге и т. п. Такой же существенно важный круг проблем, как структура и формы русской дореволюционной крестьянской семьи и непосредственно с этим связанные вопросы землевладения, наследования, почти не затрагиваются, а русская крестьянская семья (в частности, семья Европейской части России) периода феодализма пока совершенно не изучается. На слабую изученность «общего хода развития крестьянской семьи в период феодально-крепостнического строя специально указывается в главе «Семья и семейный быт» в обобщающем труде «Народы Европейской части СССР»⁶.

Не ставят этих проблем и историки. В работах, посвященных экономике и истории развития сельского хозяйства

³ М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., тт. I, 2, 1909—1912; В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, тт. 1, 2, СПб., 1903—1918 гг.; А. Я. Ефименко. Крестьянское землевладение на крайнем Севере. «Исследования народной жизни». Вып. I — Обычное право. М., 1884; М. Островская. Указ., соч., П. А. Соколовский. Очерк истории сельской общины на Севере России. СПб., 1877.

⁴ Д. Я. Самоквасов. Семейная община в Курском уезде. — «Сборник народных юридических обычаяев», т. I, СПб., 1878; П. А. Матвеев. Очерки народного юридического быта в Самарской губернии, — там же.

⁵ А. Н. Максимов. Что сделано по истории семьи. М., 1901. Его же: К вопросу о методах изучения истории. Отдельный оттиск. «Этнографическое обозрение». М., 1899.

⁶ Народы мира. Народы Европейской части СССР, ч. I, М., 1964, стр. 463.

России в XVIII в., совершенно не рассматриваются форма и структура крестьянской семьи в ее связи и зависимости с конкретными социально-экономическими условиями. Ближе всех к этим вопросам подошел К. В. Сивков⁷, показавший своей публикацией возможность такого изучения. Поскольку в исторических работах исследовались, главным образом, проблемы экономической мощности крупных хозяйственных комплексов, то естественно, что структура семьи, ее численность остались вне сферы внимания исследователей.

Целью данного сообщения является рассмотрение некоторых черт семейной организации у вологодских крестьян в начале XVIII в. на материалах переписной книги 1717 г. как основного источника. Этот источник также, как и пришедшие ему на смену ревизские сказки, характеризует крестьянскую семью как бы изнутри, т. е. дает представление о ее формах и структуре.

Материалы ревизий и переписей обычно рассматриваются исследователями как источник по истории народонаселения⁸, для составления исторических карт России XVII—XVIII вв.⁹ и т. п. Е. П. Подъяпольская, давшая всестороннюю оценку ревизским сказкам, указала на широкий круг вопросов, который возможно исследовать на основе этих материалов, в том числе и семейный состав русских крестьян¹⁰.

Для исследования русской крестьянской семьи, ее строя и характера данные переписей и ревизий, насколько нам известно, пока еще не привлекались.

В данном сообщении мы коснемся не только переписной книги 1717 г., но также и книги 1678 г. Обе они относятся к части Вологодского уезда — Кубенской трети (в административных границах того времени) и хранятся в ЦГАДА¹¹.

Кубенская треть расположена к северо-западу от Вологды и вдоль юго-западного берега Кубенского озера до границы с Белозерским уездом. В тот период она включала шесть волостей: Ракульскую, Кубенскую, Сямскую, Здви-

⁷ К. В. Сивков. К истории землевладения в России в начале XVIII в., «Известия АН СССР». Отделение общественных наук. № 3, Л., 1935; Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства 1 четверти XVIII в. Подготовил к печати К. В. Сивков. М., 1951.

⁸ В. М. Кабузан. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963.

⁹ Работа группы исторической географии Ин-та истории СССР АН СССР.

¹⁰ Е. П. Подъяпольская. Ревизские сказки как исторический источник «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952, стр. 321.

¹¹ ЦГАДА, ф. 350, ед. хр. 556; ф. 1209, ед. хр. 14733.

женскую (Воздвиженскую), Перебатинскую и Верх-Вологодскую. Почти через всю территорию трети (за исключением Верх-Вологодской и Воздвиженской волостей) проходит дорога, связывающая Вологду с Кирилловом и Белозерском. В этой части Вологодского уезда сосредотачивались помещичьи и монастырские хозяйства. Население Кубенской трети составляли владельческие крестьяне, принадлежавшие монастырям, архиерейским кафедрам, помещикам и вотчинникам.

Здесь находились хозяйства таких крупнейших монастырей, как Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого (в Ракульской и Сямской волостях), а также Спасо-Каменного, Сямского, Песошного и Корнильева (в Кубенской, Сямской волостях). Здесь же располагались крупные архиерейские вотчины Досифея епископа Ростовского и Ярославского, Павла епискона Вологодского и Белозерского (в Ракульской, Кубенской, Сямской и Верх-Вологодской волостях).

Помещичьи владения в Кубенской трети также, как и во всем Вологодском уезде, отличались чрезвычайной раздробленностью и были, как правило, незначительны по площади и по числу крестьян¹².

Изучение переписной книги 1678 г. и ландратской 1717 г. показало, что в каждой деревне дворы переписывались (каждой переписью) в одном и том же порядке. Это обстоятельство чрезвычайно ценно, так как позволяет проследить нужные семьи на протяжении всего периода — с 1678 г. по 1717 г.

Подворный характер описания уже подразумевает, что в переписных книгах фиксировались жители каждого двора, чаще всего семья. Для обеих переписных книг характерен приблизительно одинаковый порядок записи жителей двора: вслед за главой указаны его дети, затем его братья, племянники или другие родственники со своими детьми.

Книга 1678 г. учитывает только мужское население каждого двора, не фиксируя женское. Исключение составляют вдовы — главы двора, несущие тягло. Все взрослое население, в том числе и главы дворов, записаны без указания возраста, указан только возраст детей (вплоть до 20 лет). Тем не менее и на ее основе возможна в принципе реконструкция семей.

Переписная книга 1717 г. выгодно отличается от переписи 1678 г. тем, что в ней учитывалось не только мужское, но и женское население, которое записывалось не пос-

¹² В. И. Семёвский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I, СПб., 1903, стр. 23.

ле мужского, а вперемежку с ним, взрослое — супружескими парами, а дети — сначала мальчики, а потом девочки.

При этом очень четко отделены друг от друга и сами дворы, что позволяет видеть жителей каждого из них; назван глава двора и перечислены все в нем живущие с указанием на родственное отношение к главе. Например: «Во дворе Иван Поликарпов..., у него жена..., у них дети... У него же брат двоюродный, Афонасей Михайлов, вдов... У них племянник Яков Ильин...» (ф. 350, ед. хр. 556, л. 1263 об.). Или: «Во дворе Дорофей Семенов семнадцати лет, Каптэлина Осипова у него мать... У него Дорофея зять Федот Кондратьев...» (там же, л. 520 об.). Или: «Во дворе Еремей Дмитриев..., у него дети..., у него сноха вдова Зиновья Корнилова...» (там же, л. 506 об.). Перепись 1717 г. особо подчеркивает положение взрослых детей: сын — «холост», дочь или сестра — «девка».

Если в переписной книге 1717 г. ясно видна конкретная семья не только с мужскими, но и с женскими родственными линиями, то в переписи 1678 г., не осложненная женским родством, четко выступает поколенная (деды — отцы — внуки) организация семьи — мужская нисходящая.

Особую ценность книги 1717 г. составляют приписки, т. е. примечания, сделанные переписчиками почти по каждому двору. В них сравниваются данные этой переписи с предыдущей переписью 1710 г. и указывается, кто из членов семьи умер, взят в солдаты или в плотники и в работники на строительство Петербурга, бежал или «скитается в мире от хлебной скудости». Кроме того, в приписках отмечено, кто из дочерей или сестер выдан замуж и куда, в другую ли деревню того же владения или в иное владение, кого из членов семьи или целую семью перевез помещик «на иные дачи» и в какую волость или уезд. В приписках есть также сведения, почему тот или иной член семьи не был написан в предыдущую перепись 1710 г. Например: «А в книгах 1710 году вышеписанный Степан Яковлев не написан, и он в то число и с женою, и з сыном был в бегах...» (л. 590 об.). Или: «А Иванов зять Елизар не написан для того, что в то время был в работниках в Санкт Петербурже» (л. 578 об.). Или: «А в переписных книгах 1710 году ненаписан Иванов брат Мартын, потому что в то время был у помещика в Городецком уезду» (л. 332.)

Благодаря этим припискам возможно не только точнее уяснить состав семей, но и реконструировать его на 1710 год, а также проследить, какие изменения и под влиянием каких факторов в них происходили.

Таким образом, уже внешнее рассмотрение переписных

книг 1678 и 1717 г. убеждает в том, что этот вид источников для конца XVII — начала XVIII вв. является одним из основных при выяснении характера крестьянской семьи.

Нами обработаны сведения книги 1717 г. по 435 дворам (428 семей) монастырских и архиерейских крестьян всех шести волостей Кубенской трети и 643 дворам (636 семей) помещичьих крестьян, всего 1078 дворов (1064 семьи) или 54,8% от общего их числа, что составляет 54,7% всего населения (12 583 чел.) Кубенской трети.

Анализируя материалы переписи, мы пытались уяснить строй русской крестьянской семьи, который включает в себя не только структурную организацию, но и поколенный состав. Для этого все исследуемые семьи были поделены на две классификационные группы: группа А — ее составили семьи, основанные на прямом родстве, и группа Б — куда вошли семьи с боковыми родственными линиями (см. табл. 1).

При этом мы исходили из определения К. Марксом кровного родства как родства по прямой линии и по боковым линиям¹³, а также из методики, принятой в исследованиях советских ученых. Далее в каждой из этих групп все семьи были рассмотрены и распределены по их характерным типам и подтипам. Так, в группе А, например, среди семей, состоящих из родителей, их женатых сыновей и внуков, были выделены семьи, где вместе с родителями живут один, два или более женатых сыновей, а в группе Б среди семей из нескольких женатых братьев выделены в отдельные группы семьи, состоящие из родных братьев и из двоюродных.

Приводить все типы и подтипы в данной работе нет возможности да, пожалуй, и необходимости. Здесь важно установить, дает ли исследуемый источник искомые сведения по структуре семьи.

Одновременно со структурной дифференциацией был рассмотрен поколенный состав, и семьи объединены в группы по числу поколений (см. табл. 2). Проанализировав состав семей по их родственным связям и по поколениям, мы выяснили, какой структурный тип семьи на данное время оказался преобладающим, а также сколько поколений родственников жили одной семьей.

Проделанная работа показала:

Во-первых, что у монастырских крестьян преобладали семьи группы А, т. е. объединенные по принципу прямого родства (57%), а у помещичьих крестьян семьи группы Б, т. е. на основе боковых родственных связей (61,8%).

¹³ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX, М., 1941, стр. 12.

Таблица I

Состав семьи по родственным связям

Состав семьи по поколениям

Поко- ления	Тип семей	Монастырские крестьяне		Помещичи крестьяне	
		число семей	% %	число семей	% %
Три	Родство прямое	Супруги	24	5,6	14
					2,2
	Родство боковое	Женатые братья (без детей)	6	1,4	9
		Женатый брат с младшими братьями	7	1,6	7
		Братья и сестры	1	0,2	—
		Итого семей	38	8,9	30
	Родство прямое	Родители	144	33,6	112
		с женатыми сыновьями (без внуков)	26	6,1	28
	Родство боковое	Женатые братья с детьми	79	18,4	151
		Женатые братья, женатые дети (у одного)	12	3	14
		Женатый брат с младшими братьями	3	0,7	20
		Женатые братья с детьми + племянники	7	1,6	15
		Родители с деть- ми + племянники	10	2,3	23
		Родители с деть- ми + зять с детьми	—	—	2
		Итого семей	281	65,7	365
	Родители, женатые сыновья, внуки	55	13	96	15,1
	Деды и внуки	1	0,2	1	0,2

Помещичье крестьянство	110	10	12	43	8
%	4%	25,7%	2,1%	3%	10%

• 74 17,3%	36 8,4%	110 25,7%	10 2,1%	12 3%	43 10%	8 1,9%	428 100%
П о м е ш и ч и к р е с т ь я н е							
152 23,9%	69 10,8%	221 34,7%	27 4,3%	33 5,2%	98 15,4%	11 1,7%	636 100%

Продолжение таблицы 2.

Поколения	Тип семей	Монастырские крестьяне		Помещичьи крестьяне		
		число семей	% %	число семей	% %	
Три	Родство боковое	Женатые братья с женатыми сыновьями и внуками	14	3,3	48	7,5
		Женатые братья с женатыми сыновьями + женатые племянники с детьми	5	12	18	2,3
		Родители с женатыми сыновьями и внуками + женатые племянники с детьми	34	8	76	12
		Итого семей	109	25,5	239	37,6
Четыре	Родство прямое	Родители, женатые сыновья, внуки, правнуки	—	—	2	0,3
		Всего семей	428	100%	636	100%

Во-вторых, в обеих категориях крестьян были наиболее распространены семьи из двух и трех поколений. Отсюда следует, что мужская нисходящая в семьях прямого родства не спускается ниже внуков, а в семьях с боковыми связями ниже троюродного родства. Двухпоколенные семьи составляют большинство как у монастырских (65,7%), так и у помещичьих крестьян (57,4%), в то время как трехпоколенных семей больше (на 12,1%) среди крестьян помещичьих. Замечено, что среди трехпоколенных семей в обеих категориях крестьян преобладают семьи с боковым родством. Чаще всего это — женатые братья с женатыми детьми, а также родительские и братские семьи с женатыми племянниками.

В-третьих, при достаточном разнообразии структурных типов семей можно выделить четыре наиболее характерных. Это — семьи, состоящие: а) из родителей и их малолетних детей — двухпоколенные; б) из родителей с одним женатым сыном и внуками (независимо от того, есть ли у родителей еще младшие дети) — как двух-, так и трехпоколенные; в) из женатых братьев с их малолетними детьми — двухпоколенные; г) из родителей с женатыми сы-

новьями и внуками плюс женатые племянники и их дети — трехпоколенные. Степень распространения каждого из этих четырех типов семей, как показывают таблицы, в двух исследуемых категориях крестьян различна.

В-четвертых, у монастырских крестьян господствующими являются семьи из родителей и их малолетних детей (33,6%), а у помещичьих — из женатых братьев (34,7%), причем 25,8% из них приходится на братские семьи с малолетними детьми.

Анализ строя исследуемых семей показал, что семьи помещичьих крестьян по своему составу и внутренней организации несколько сложнее и разветвленнее семейств монастырских крестьян, а потому можно было бы предполагать, что эти семьи окажутся и более многочисленными.

Однако численный состав семей не подтвердил этого предположения. Сделанные подсчеты показали, что в это время у вологодских крестьян численность семей, в общем, не превышала 10—12 человек. Встретились и семьи, насчитывавшие до 20 человек, но не более. Таких семей (от 13 до 20 членов) в обеих категориях крестьян сравнительно мало — около 3%. Для монастырских крестьян наиболее характерны семьи (таких 50%) из 4—6 человек, а максимум приходится на семьи в 4—5 человек, у помещичьих — из 3—9 человек (таких 81,1%), и семьи распределены в этих пределах довольно равномерно (см. табл. 3). Таким образом, мы видим, что в начале XVIII в. у крестьян Кубенской трети преобладала немногочисленная семья, состоящая из пяти, шести или семи человек.

Фактор, обуславливающий численный состав семьи, — это количество детей. Границей детского возраста мы считали пятнадцать лет. В обеих категориях крестьян детское население до 15 лет составляет по трети, а количество детей в семье редко превышает шесть человек. Преобладали семьи, где было от одного до трех детей. У монастырских крестьян таких семей 83,3%, а у помещичьих — 78,5%. Интересно, что семей, имевших по два ребенка, в обеих категориях крестьян одинаковое число, а семей с одним ребенком у монастырских крестьян больше, чем у помещичьих, почти на 8%. Это и не удивительно, если учесть, что среди монастырских крестьян семьи из родителей с малолетними детьми составляют треть от всех семей (144 из 428).

Кроме охарактеризованных вопросов, материалы переписной книги 1717 г., а также и 1678 г., содержат сведения для определения половозрастного состава как взрослого, так и детского населения, средней продолжительности жизни, уровня рождаемости и смертности, брачного возраста и соотношения возрастов родителей и детей.

Таблица 3

Количественный состав семьи

Человек в семье	Монастыр. крестьяне		Помещичьи крестьяне	
	число семей	% %	число семей	% %
2	30	7	19	3
3	44	10,3	59	9,3
4	71	16,6	65	10,3
5	86	20,1	78	12,4
6	57	13,3	82	13
7	32	7,5	87	13,8
8	37	8	75	12
9	29	6,8	65	10,3
10	14	3,2	28	4,4
11	8	2	24	3,8
12	8	2	25	4
13	4		5	
14	3		4	
15	1		1	
16	1	2,8	2	3,5
17	2		2	
18	—		2	
19	1		2	
21	—		1	
Всего семей	428	100	636	100

Немаловажными для истории семьи является вопрос о ее главе, особенно в сложных по составу семьях, где вместе живут двоюродные братья, дядя с женатыми племянниками или теща с зятем. Обе переписные книги дают ответ на этот вопрос, а книга 1717 г. позволяет судить и о возрасте глав семей. Не проводя детального исследования этого вопроса, заметим, что в обеих категориях крестьян главами семей являются мужчины примерно от 35 до 60 лет, а чаще в возрасте 45—60 лет. Среди семей, состоящих из женатых братьев, чаще всего главой был старший.

В семьях с женатыми племянниками в большинстве случаев главой был дядя, а в семьях с зятем (нужно сказать, что в это время их немного) — теща. Отсюда видно, что главенство в семье, связанное с наследованием, переходило, как правило, к родственникам мужской линии по прямой нисходящей.

Рассмотрев и проанализировав переписную книгу 1717 г., мы убедились, что она содержит определенный круг сведений по истории крестьянской семьи в начале XVIII в.

Это в основном количественные данные, которые характеризуют качественное состояние семьи в то время на территории Кубенской трети. Книга 1678 г. также содержит данные по всем рассмотренным и по ряду других вопросов.

В заключение необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что перепись фиксирует население статично, на определенный момент времени. Но так как семья — институт, развивающийся и изменяющийся медленно, то мы с полным основанием можем по материалам переписи 1717 г. судить о строе и форме семьи, существовавшей в I четв. XVIII в. Привлекая книгу 1678 г. и другие аналогичные материалы, можно проследить динамику развития русской крестьянской семьи, уловить идущие в ней процессы или тенденции. Само собой разумеется, что выяснить закономерности совершающихся в строе семьи изменений возможно только в тесной взаимосвязи с социально-экономическими условиями, а следовательно, переписные книги рассматривать в комплексе с другими источниками.

Анализ переписной книги 1717 г., таким образом, является начальным этапом этой работы.